

16+

A close-up photograph of a woman's face, focusing on her eyes and nose. A single tear is falling from her right eye. A pink rose is partially visible on the left side of the frame. The background is a soft, out-of-focus grey.

ПОКА ТЫ *смотрю*

Елена Кулешова

Елена Кулешова

Пока ты смотришь

<https://litres.ru/74064044>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она помнит каждое лицо. Каждого прохожего, каждого пациента, каждого покойника. Она не может забыть — даже когда хочет.

Но однажды в морг привозят человека, которого она видела живым сутки назад. По всем признакам он мёртв уже три дня. Ошибки быть не может: Оливия не ошибается в лицах.

Так начинается её путешествие в мир, где реальность — это компромисс, который держат десять человек. Где можно редактировать прошлое и проецировать будущее. Где сестра, которую она похоронила двенадцать лет назад, ждёт её в Петербурге. И где Архитектор, создавший эту систему сто лет назад, предлагает ей сделку: пятнадцать лет жизни в обмен на существование мира.

Но Оливия не привыкла соглашаться на чужие условия.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пока ты смотришь

Глава

Глава 1. Лицо в толпе

Запах формалина — единственное, что держит меня в реальности.

Я стою у секционного стола и смотрю на тело неизвестного мужчины. Вода ещё не до конца стекла с волос — капли падают на нержавейку с тихим, почти музыкальным звуком. Санитар Паша заполняет бирку: «Неизвестный 14/06, утопление, предположительно трое суток в воде».

— Оливия Викторовна, вы в норме?

Паша смотрит на меня поверх очков. Он работает здесь двадцать лет и видел всякое. Но сейчас в его взгляде — беспокойство.

Я не отвечаю. Потому что я не в норме.

Этого человека я видела вчера. Вчера, чёрт возьми. В вагоне метро, по пути на работу. Он сидел напротив, читал газету — старую, ещё с кроссвордом, — и тряс ногой. У него была дурацкая привычка трясти ногой, я запомнила. Потому что я запоминаю всё. Не имена, не даты. Лица.

У него — нос с горбинкой. Лёгкая асимметрия: правый угол рта чуть выше левого. На мочке левого уха — маленький шрам, похожий на звёздочку. Я видела это вчера, когда

он перевернул страницу и устался в кроссворд. Я вышла на «Маяковской», он остался.

Сейчас он лежит передо мной. Кожа синюшная, живот вздут. Причина смерти — утопление. И судя по состоянию тканей...

— Трое суток, — говорю я вслух.

— Что? — Паша наклоняется.

Я сглатываю. Горло сухое, как наждак. Я делаю то, чего никогда не делаю: отвожу взгляд от лица жертвы. Смотрю в угол, на кафельную стену, где кто-то прилепил старый стикер: «Проверить холодильник 2».

— Ничего, — я расправляю плечи. — Записывай. Мужчина, 35–40 лет. Особых примет не обнаружено. Причина смерти — механическая асфиксия вследствие утопления. Время смерти...

Я запинаюсь. Потому что по всем признакам — трое суток. Но я видела его живым двадцать четыре часа назад.

— ...требуется уточнения.

Паша молча записывает. Он знает: если я говорю «требуется уточнения», значит, что-то не так. Я никогда не ошибаюсь.

Домой я еду в пустом вагоне. Колеса стучат: «трое суток, трое суток, трое суток». Я закрываю глаза и вижу его лицо — вчерашнее, живое. Вот он щурится, читая вопрос. Вот чешет нос ручкой. Вот смотрит на меня — коротко, без интереса. Обычный взгляд в метро.

Я открываю глаза. Напротив сидит женщина с ребёнком.

Мальчик лет пяти, с мороженым в руке. Он улыбается мне, и я автоматически запоминаю: левый верхний резец кривой, на правой щеке — родинка, на подбородке — след от шоколада. Если я увижу его через десять лет, я узнаю. Это мой дар. Или проклятие.

Мать одёргивает его:

— Не смотри на людей, невежливо.

Мальчик отворачивается. А я думаю: что бы она сказала, если бы узнала, что я смотрю на всех? Постоянно. Без остановки. Мой мозг — картотека из тысяч лиц. И ни одно не повторяется. Кроме одного.

Я достаю телефон. Нахожу в галерее снимок — не его, нет. Просто фотография вагона метро, которую я сделала вчера. Случайно. Хотела запечатлеть дурацкое объявление: «Требуется доноры». И там, на заднем плане, смазанно, но различимо — он. Мужчина с газетой. Мужчина, который умер трое суток назад.

Я смотрю на время съёмки. 08:43. Вчера.

— Этого не может быть, — шепчу я.

Но я знаю: мой внутренний архив не лжёт. Он умер до того, как я его увидела. Или... умер после, а в воду попал раньше? Временная петля? Чушь. Я судмедэксперт, не фантаст. Есть другое объяснение.

Должно быть.

Дома меня ждёт тишина. Она всегда ждёт — на пороге, как верный пёс. Я включаю свет во всех комнатах, чтобы не

видеть теней. Квартира маленькая, однокомнатная. Из мебели — стол, стул, кровать. На стенах — ничего. Фотографий нет. Я не храню фотографии — зачем? Они не нужны тому, кто помнит всё.

На столе — папка. Я принесла её тайком, скопировала материалы дела. В протоколе сказано: тело обнаружено сегодня в 06:15, в Москве-реке, в районе Нескучного сада. Личность не установлена. Документов нет. Одежда: джинсы, рубашка, никаких меток. Кроссовки сорок третьего размера. В кармане — бумажник с мелочью и, что странно, ключ. Обычный, без брелока. От квартиры? От подвала? От тайника?

В протоколе не сказано, что он читал газету. И не сказано, что у него был шрам в виде звёздочки на левом ухе. Потому что в протоколе — сухие факты. А я помню то, чего там нет.

Я сажусь на пол, скрестив ноги, и раскладываю перед собой снимки с места обнаружения. Обычная рутина. Но сегодня она не успокаивает. В голове — шум.

Телефон звонит. Номер незнакомый.

Я беру трубку.

— Оливия Викторовна? — голос мужской, спокойный, с лёгкой хрипотцой. — Простите за поздний звонок. Меня зовут Михаил. Мы не знакомы, но я знаю, что вы сегодня видели.

— Кого? — спрашиваю я, и голос не дрожит.

— Труп. Неизвестного. Вы его запомнили, верно? Как и всех. Но его вы запомнили дважды.

Молчание. Я слышу, как он дышит. Ровно. Спокойно. Так дышат люди, которые знают больше, чем говорят.

— Кто вы? — мой голос всё ещё ровный, но пальцы, сжимающие телефон, белеют.

— Тот, кто может ответить на вопрос, который вы задали себе час назад. Но я не буду говорить по телефону. Приходите завтра в кофейню «Сад», в восемь утра. Знаете такую?

— В Нескучном саду, — говорю я. — Рядом с местом, где нашли тело.

— Сообразительная. Жду.

И он вешает трубку.

Я сижу неподвижно минуту. Две. Пять.

Потом встаю, подхожу к столу и беру в руки ключ — тот самый, из бумажника утопленника. Холодный металл. Никаких опознавательных знаков. Просто ключ.

Я смотрю на него, и где-то на периферии сознания мелькает мысль: а ведь я видела такой же. Где? Когда? У кого?

И тут — как вспышка. Я помню.

Этот ключ — или очень похожий — висел на связке у санитаря из морга 3. Я видела его три года назад. Санитар уволился через неделю после того, как... После того, как пропало тело.

Я медленно опускаю ключ в карман. Сердце стучит ровно, но внутри всё сжимается в холодный ком. Я не верю в совпадения. Я верю в закономерности. И эта закономерность начинает проступать из темноты, как лицо на недопроявлен-

НОМ СНИМКЕ.

Завтра я пойду в кофейню «Сад».

Но перед этим я кое-что проверю.

Я открываю ноутбук и вбиваю в поиск: «эффект наблюдателя квантовая физика». Потом удаляю и вбиваю: «человек жив после официальной смерти». Потом: «морг 3 пропажа тел».

Результатов много. Слишком много. Но один заставляет меня замереть.

Заголовок: «Нейробиологи доказали: реальность не существует, пока на неё не смотрят».

Я смотрю на экран. Экран смотрит на меня.

И где-то глубоко, в самой тёмной комнате моего разума, дверь, которую я держала закрытой много лет, начинает медленно открываться.

Глава 2. Кофейня «Сад»

В восемь утра Нескучный сад действительно не скучный.

По аллеям бегают спортсмены с мокрыми от пота висками. Мамаши с колясками обсуждают смеси и подгузники. Дворник метёт дорожку с таким лицом, будто листья — личное оскорбление. Обычное московское утро. Слишком обычное для встречи, которая может сломать мои представления о реальности.

Кофейня «Сад» — стеклянный куб среди зелени. Я прихожу на пятнадцать минут раньше. Привычка. Я всегда прихожу раньше, чтобы успеть рассмотреть всех, кто войдёт поз-

же. Память на лица — это не только дар. Это броня.

Занимаю столик в углу, спиной к стене. Заказываю эспрессо. Бармен — молодой парень с татуировкой осьминога на предплечье — пытается шутить. Я не поддерживаю. Смотрю на дверь.

В ровно восемь входит мужчина.

Я узнаю его мгновенно. Не потому что видела раньше. Потому что таких людей трудно не запомнить. Высокий, чуть за пятьдесят. Серый костюм, белая рубашка без галстука. Серебряные виски, короткая стрижка. Он двигается как человек, который привык, что его ждут. Не спеша, но без лишних движений.

Но главное — лицо. У него правильные черты, но что-то в них... смазанное. Как будто я смотрю на фотографию, сделанную на длинной выдержке. Я пытаюсь зафиксировать детали — нос, разрез глаз, линию подбородка, — но они ускользают, словно вода сквозь пальцы.

Этого не может быть.

У меня не бывает такого. Я запоминаю лица с первого взгляда. Всегда. С детства. А это лицо я не могу запомнить, пока смотрю на него прямо сейчас.

Мужчина подходит к столику. Садится напротив. Снимает часы — дорогие, швейцарские — и кладёт их циферблатом вверх. Жест точный, как у хирурга.

— Оливия Викторовна, — говорит он. Тот самый голос с хрипотцой. — Спасибо, что пришли.

— У меня не было выбора, — отвечаю я. — Вы знаете обо мне. О моей... особенности.

— Особенности? — он усмехается. — Вы называете это особенностью? Идеальная память на лица — это не особенность, Оливия Викторовна. Это симптом.

Я ставлю чашку на блюде. Рука не дрожит, хотя внутри всё сжимается.

— Симптом чего?

— Того, что вы — наблюдатель.

Он произносит это слово как термин. С заглавной буквы. Как будто это должность. Или диагноз.

— Я судмедэксперт, — говорю я. — Я наблюдаю мёртвых. Это часть профессии.

— Вы наблюдаете не только мёртвых, — он наклоняется чуть вперёд. Локти на стол, пальцы сцеплены. — Вы наблюдаете всё. Всех. Постоянно. Ваш мозг фиксирует лица, даже когда вы не хотите этого. Вы не можете выключить эту функцию. И никогда не могли.

Молчу.

— Когда это началось? — спрашивает он. — В детстве? После травмы? Или вы родились такой?

Я не отвечаю. Но внутри что-то дёргается. Потому что он прав. Это началось после аварии. После того, как...

— Впрочем, неважно, — он отмахивается. — Важно другое. Вчера вы увидели человека, который, по официальным данным, умер трое суток назад. Как вы это объясняете?

— Ошибка в протоколе, — говорю я автоматически. — Неправильно установленное время смерти. Или...

— Или вы видели его живым после смерти, — заканчивает он. — Это единственное объяснение, которое вы не можете принять. Потому что оно рушит вашу картину мира.

Я смотрю в свою чашку. Кофе почти остыл. На поверхности — маслянистая плёнка.

— Кто вы, Михаил? — спрашиваю я, поднимая взгляд.

— Я работаю в институте, которого официально не существует. Мы изучаем феномен, который официально невозможен. И вы, Оливия, — один из лучших образцов.

— Образцов? — я чувствую, как холод поднимается откуда-то из живота. — Я не образец. Я человек.

— Конечно, — он кивает, но глаза остаются холодными. — Поэтому я здесь. Не для того, чтобы вас изучать. Для того, чтобы предупредить.

Он лезет во внутренний карман пиджака. Достает фотографию. Кладёт на стол.

Я смотрю. И мир замирает.

На фотографии — женщина. Лет тридцати пяти. Тёмные волосы, острые скулы, родинка над левой бровью. Я знаю это лицо. Я знаю его лучше, чем своё собственное.

Это моя сестра. Вика.

Вика, которая умерла двенадцать лет назад. В аварии, после которой я и получила свою «особенность». Вика, которую я видела мёртвой. Которую я опознала. Которую я по-

хоронила.

— Это снимок недельной давности, — говорит Михаил.
— Санкт-Петербург. Камера наружного наблюдения на Невском проспекте.

Я смотрю на фото. Мои пальцы наконец дрожат.

— Зачем вы мне это показываете? — голос чужой. Хриплый.

— Потому что она тоже наблюдатель, — говорит Михаил.
— И она — ключ к тому, что происходит. К утопленнику. К моргу 3. Ко всему.

Он встаёт. Забирает часы.

— У вас есть сутки, Оливия Викторовна. Сутки, чтобы решить: вы хотите узнать правду или продолжить вскрывать трупы и делать вид, что мир устроен просто.

— Подождите, — я хватаю его за рукав. — Как мне с вами связаться?

— Никак, — он высвобождается. — Я сам вас найду. Если вы примете правильное решение.

И уходит. Быстро, не оборачиваясь. Стеклопанельная дверь закрывается за ним с тихим звоном.

Я остаюсь одна. С фотографией сестры. С ключом в кармане. С вопросом, который теперь стучит в висках громче колёс метро.

Если Вика жива — кто тогда лежит в её могиле?

И кто наблюдает за мной прямо сейчас?

Глава 3. Следы на стекле

До квартиры я добираюсь на автомате. Руки помнят дорогу: ключ в нижний замок, повернуть дважды, войти, закрыть, цепочка. Тело выполняет ритуал, пока разум застрял в кофейне «Сад», перед фотографией сестры.

Я прислоняюсь к двери и закрываю глаза. Вика. Двенадцать лет. Я не была на её могиле ни разу. Не потому что забыла — я не забываю ничего, — а потому что не могла. Каждый раз, когда подходила к кладбищу, ноги деревенели. Теперь я понимаю: возможно, я чувствовала. Что-то было не так.

Открываю глаза. И замираю.

В прихожей темно, но я точно помню: утром я не опускала жалюзи в комнате. Сейчас сквозь щели — тонкие полоски света, и их расположение другое. Кто-то был здесь. Кто-то трогал окна.

Я включаю свет. Медленно прохожу в комнату. На первый взгляд всё на месте. Стол. Стул. Кровать. Но моя память — проклятие, помните? — фиксирует каждую деталь. Папка с делом лежит на столе, но сдвинута на полсантиметра влево. Снимки с места обнаружения тела разложены веером, а я оставляла их стопкой. И ноутбук... Я закрывала крышку. Сейчас она приоткрыта на два пальца.

У меня был гость.

Я не паникую. Паника — роскошь, которую я не могу себе позволить. Вместо этого я открываю ящик стола. Ключ утопленника на месте. Смотрю на него — обычный метал-

лический стержень с бороздками. Но теперь я знаю, что он не обычный. Такие же были у санитары из морга 3. И кто-то хочет его получить.

Я достаю телефон. Фотография Вики всё ещё перед глазами. Санкт-Петербург. Невский проспект. Если Михаил не солгал, сестра там. И она — ключ ко всему.

На экране — сайт РЖД. Билеты на «Сапсан». Ближайший — завтра в 06:50. Я нажимаю «купить», не раздумывая. Сутки, сказал Михаил. У меня осталось меньше.

И тут — звонок в дверь.

Я застываю. Рука тянется к сумке, где лежит скальпель. Привычка. Нездоровая, но полезная.

— Оливия Викторовна, откройте! — голос Паши, санитары из морга. — Срочно!

Смотрю в глазок. Паша. Взъерошенный, без шапки, хотя на улице холодно. Оглядывается через плечо, как загнанный зверь. Я открываю дверь, он буквально вваливается в прихожую.

— Закройте! — выдыхает он. — Скорее!

Я закрываю. Паша приваливается к стене. Дышит тяжело, лицо бледное. Я замечаю детали: правый зрачок расширен сильнее левого — стресс. На тыльной стороне ладони — царапина, свежая, ещё кровоточит. Под ногтями — что-то тёмное. Грязь? Или...

— Что случилось?

— Морг 3, — говорит он, отдышавшись. — Вы вчера ис-

кали про пропажу тел. Я знаю, вы искали. И за вами... Оливия Викторовна, за вами следят.

Я опускаю руку в карман, где лежит ключ.

— Кто?

— Не знаю. Но сегодня утром я видел, как какой-то тип крутился у вашего кабинета. Спрашивал про вас. Представился журналистом, но я журналистов за версту чую — у них глаза по-другому бегают. А этот... он смотрел как сканер. Как будто считывал.

— Как он выглядел? — спрашиваю я, и внутри уже запускается процесс: сейчас Паша опишет, я запомню, и этот человек станет ещё одной карточкой в моей ментальной картотеке.

Но Паша медлит.

— В том-то и дело, — он трёт лоб. — Я не помню.

— Что значит — не помнишь?

— Не помню его лица, — Паша поднимает на меня растерянный взгляд. — Я смотрел на него, разговаривал минуты три, но сейчас пытаюсь вспомнить — и пустота. Как будто лица не было вообще.

Холодок пробегает по позвоночнику. Я вспоминаю Михаила. Его ускользающие черты. Фильтр размытия, который не даёт мне зафиксировать его в памяти. Совпадений не бывает.

— Паша, — говорю я медленно, — тот санитар из морга 3, который уволился три года назад. Ты его помнишь?

— Конечно. Костя. Странный был малый, всё время...

— Как он выглядел? Опиши.

Паша открывает рот. Закрывает. Хмурится.

— Я... не могу. Хотя точно знаю, что работал с ним бок о бок полгода. Помню, что он был. Помню голос даже. А лицо — как стёрто.

Я киваю. Всё сходится. Люди, связанные с проектом «Эффект наблюдателя», не запоминаются. Их лица ускользают. Значит, они не просто работают с наблюдателями — они сами часть эксперимента.

— Паша, — я беру его за плечо, — послушай внимательно. Завтра я уезжаю. Возможно, на несколько дней. Ты не должен никому говорить, где я.

— Куда вы?

— Лучше тебе не знать.

Он кивает, но в глазах — страх пополам с решимостью.

— Я могу помочь, — говорит он тихо. — Чем угодно. Вы же меня знаете, Оливия Викторовна. Я после Чечни ничего не боюсь. А вот это всё, — он обводит рукой воздух, — это хуже войны. Потому что непонятно, где враг.

— Враг везде, — говорю я. — И нигде. Это и есть их главное оружие.

Я даю ему стакан воды. Он выпивает залпом. Потом я провожаю его до двери.

— Будьте осторожны, — говорит Паша на прощание. — Если понадобится... ну, прикрытые или ещё что. Я на связи.

— Спасибо.

Он уходит. Я запираю дверь. Сажусь на пол в прихожей, потому что ноги вдруг становятся ватными. В голове — тысяча обрывков: утопленник, читающий газету; лицо Михаила, тающее, как мираж; Вика, живая, на Невском; неизвестный, который обыскал мою квартиру и которого никто не может запомнить.

Они все — части одной головоломки. И я начинаю понимать правила игры. Наблюдатели — не просто люди с идеальной памятью. Мы — инструмент. Мы фиксируем реальность своим вниманием. А те, другие, с неуловимыми лицами — они умеют ускользать от наблюдения. Быть невидимыми не для глаз, а для памяти.

Но зачем им я? Зачем им Вика? И что случилось с утопленником?

Я достаю ключ из кармана. Кладу на ладонь. Простой ключ. Без брелока. От чего он?

И тут меня осеняет. Санитар Костя из морга 3. У него была связка ключей. И один из них был таким же. Я не запомнила его лицо, но связку запомнила — она висела у него на поясе, позвякивала при ходьбе. Три года назад, когда пропало тело, Костя исчез. А теперь ключ такого же образца находят в кармане утопленника, который умер за три дня до того, как я видела его живым.

Морг 3.

Вот куда мне нужно, прежде чем ехать в Питер.

Я смотрю на часы. Полночь. Самое время для визита в

морг.

Ночью Москва другая. Она сбрасывает дневную шелуху — офисный планктон, пробки, суету — и остаётся голой, гулкой, опасной. Я еду в такси, прижимая сумку с документами к груди. За окном мелькают огни. Город похож на огромный секционный зал — такой же холодный и равнодушный.

Морг 3 находится на окраине, в промзоне. Старое здание из серого кирпича, обнесённое бетонным забором. Здесь я не была три года — с тех пор как приезжала на опознание тела, которое потом пропало. То дело спустили на тормозах. Формулировка в заключении: «Ошибка в учётной документации». Я тогда не стала копать. А зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.